

"Очень хорошо", - говорит он, делая шаг назад. "Обычно тебя проверяют, чтобы я знал, какой ранг тебе присвоить, но после того, как я поймал пять пропавших нинюв ранга S, я считаю, что это излишне". Сарутоби отворачивается, давая Кураме время собраться с мыслями, и роется в одном из ящиков стола. После нескольких проклятий он достает из него хитай-атэ Конохи и стопку бланков. "Вот и все. Как только документы будут оформлены, вы станете джоунином Конохагауре, и для вас будет найдено жильё".

По крайней мере, волокита и бюрократия все еще знакомы, и Курама кивает, принимая и то, и другое. Хитай-ате кажется тяжелым в его руке, тяжелым в утешительном, ностальгическом смысле. Он поднимает руку, чтобы снять надетый на нем костюм Узушио, который был заказан ему в это время, потому что он так и не заменил свой старый потрепанный костюм Конохи после падения деревни. Узушио было безопасным местом для провозглашения верности, не связанным ни с чем примечательным, но павшим, и они с Сасукэ выбрали его именно по этой причине.

Но Курама считает, что Сасукэ поймет это изменение их плана, это отступление во имя того, к чему они оба так стремились. Поэтому он отпускает Узушио Хитай-атэ, чтобы тот повис на его руке, и убирает пластину Конохи в густые волосы. Это больше похоже на возвращение домой, чем на что-либо другое.

"Хорошо сидит", - пробормотал Сарутоби, довольный и задумчивый. "Добро пожаловать, Узумаки Курама. Для Конохи это большая честь".

Курама снова кланяется, на этот раз не как незнакомец, а как другой шиноби Конохи, выказывая уважение своему Хокаге. "Как и я, Хокаге-сама. Спасибо."

(Он имеет в виду нечто большее, чем хитай-атэ или место, но не говорит этого, и если Сарутоби понимает, то не подает никакого знака, кроме небольшой улыбки).

Хирузен смотрит вслед уходящему мальчику, его голубые глаза полуопущены и весьма потрясены. Он безошибочно похож на Узумаки, с его запасами чакры и волосами, и Хирузен задается вопросом, не является ли это слабостью, чтобы не смотреть на него с подозрением. Но слезы были настоящими, как и огромное облегчение от того, что ему предложили дом. Его лицо напряжено от напряжения, которое давно стало образом жизни, и хотя он не из Конохи, в его усталых глазах все равно горит Воля Огня.

Хокаге вздыхает и перекладывает трубку на другую сторону рта, глядя в окно на деревню, укладывающуюся на ночь. Курама был достаточно вежлив, чтобы уйти через дверь, и отсюда Хирузен мог видеть его темно-малиновые волосы, когда он пробирался по улицам. За ним, конечно же, следует АНБУ - Хирузен не дурак, что бы там ни думал Данзо, - но Хирузен не верит, что тот создаст какие-либо проблемы.

За годы работы Хокаге он повидал немало заблудших душ, и этот мальчик - один из них. В нем

есть горе, великое и ужасное горе, какое бывает только при потере всего. Это подкрепляет его рассказ, показывает правдивость его слов, когда другие могут назвать его шпионом или фальшивкой.

Хирузен выдыхает длинный дым и тихо спрашивает: "Твое впечатление, Какаши?"

Копирующий нин сидит на стуле в сторонке и терпеливо ждет. Когда Хокаге обращается к нему, он выпрямляется и откладывает книгу.

"Он не лжет", - говорит он. "И он никогда не делал шагов против меня, даже когда не знал, чего я от него хочу. Я бы посоветовал понаблюдать за ним месяц или два, но не думаю, что возникнут проблемы".

С небольшой ухмылкой Хирузен поворачивается и одобрительно смотрит на ученика своего преемника. "Спасибо, что вызвался, Какаши. Я надеялся, что ты согласишься. Хорошо, тогда отправляйся. Проследи, чтобы он благополучно добрался до дома, а? Коноха может быть довольно запутанным местом после наступления темноты".

Какаши замолчал.

Хирузен с ухмылкой вышел из кабинета, радуясь, что ему все еще удастся одержать верх над шиноби, независимо от их возраста. Победа действительно сладка.

Он мечтает о бледных руках, тянущихся к нему, о темных глазах, о крови, пролитой на пол леса и разбрызганной по величественным стволам деревьев. Иди, - говорит голос, и он делает это, падает, кружась и кувыркаясь, из одного времени в другое. Ты можешь все изменить, - говорит ему голос, горячий от надежды и чего-то, что они никогда не позволят себе назвать отчаянием, но что, тем не менее, им пахнет.

Черно-красные глаза и мягкие черные волосы, и поцелуй, от которого перехватывает дыхание, отнимает сердце, лишает желаний уйти и вернуться к борьбе, которую они не должны проиграть, хотя победить по-настоящему невозможно.

Кои, сказано, но это неправильно. Доби, и это лучше, вот что у них было, вот что у них было, все резкие слова и нежные прикосновения, узы братьев и ты - последний, мы - последние, запутанные души и многое другое.

Иди, - снова говорит Сасукэ, и когда это он успел послушаться этого тона, низкого, с уверенностью и печалью?

Курама открывает глаза и смотрит в потолок, затаив дыхание от этого шепота, и выдыхает,

осторожно и ровно. Солнце всходит, луна заходит, и жертва Лиса-Курамы сделала его полностью созвучным таким переменам. Но все равно странно, что есть луна, хотя он и благодарен. Она помогает ему ориентироваться, даже когда он только просыпается, и он никогда не забудет, когда она на небе.

Наступило утро, и за окном его новой квартиры зашевелилась деревня, оживая сонным рокотом и гулом энергии. Курама никак не может уснуть, только не в Конохе, поэтому он быстро сползает с кровати и одевается. Быстрая инвентаризация оружейной сумки показывает, что у него не хватает сенбона и парализующего яда, с помощью которого он уничтожил Кисаме. К счастью, все ингредиенты родом из Конохи - это один из тех рецептов, которым его научил Генма, когда тот был еще жив. Теперь Курама неплохо владеет ядами, хотя их применение всегда оставляет неприятный привкус во рту.

Но шиноби - убийцы, и хотя Курама вечно надеется, вечно уверен, что они могут и больше, это их призвание, и он уже давно понял разницу между надеждой и наивным убеждением.

Он бесшумно выскользнул из квартиры, остановившись на пороге, чтобы наложить на дверь бумажную печать и активировать свои чары. Они поднимаются с треском чакры, еще не отлаженные, но достаточно хорошие, чтобы продержаться до тех пор, пока он не найдет время их подправить. Затем он проходит по коридору и выпрыгивает в окно, не задумываясь о лестнице, и легко приземляется на пыльную улицу. Проходящий мимо иностранец-торговец пугает, но жители Конохи уже привыкли к таким вещам и просто улыбаются, приветствуя его. Курама улыбается в ответ, радуясь жизни, выбирая дорогу и пускаясь в странствия.

Через четыре улицы его тихие шаги обретают эхо, и знакомая фигура, выглядящая более обрюзгшей, чем в прошлый раз, когда Курама видел ее, опускается рядом с ним. Какаши бросает на него кислый взгляд, даже когда достает свою книгу.

"Значит, не сова", - говорит он с усталой покорностью. "Проклятье".

<http://tl.rulate.ru/book/100817/3458414>